

Пора (время-бытие). Лекция IV (10.10.1995). Часть 2.

Попробуем теперь немного приблизиться к стихии, к элементу аристотелевской мысли — слову; чуть-чуть; т.е. иметь дело не с лексикой, которая раскладывает слово на «элементы» совсем не в смысле стихий, — и введем слово «сдвиг», в нем слышится одновременно и движение, κίνησις, и перепад, μεταβολή, переброс. «Сдвиг» хорош потому, что в нем слышится и величина, размер, *размах*. Размахом предполагается опять сдвиг. «Большое видится на расстояньи», сказано у поэта. Точнее было бы сказать, что большое пред-полагает расстояние, от-стояние: от большого мы всегда с самого начала из-за самого качества большого от-стоим. От-стояние от большого получается вовсе не окольным путем через невозможность сразу всё осмотреть, а гораздо прямее: предположим, мы в горах, или плывем в воде далеко в море, или идем по снежной степи... До соображений о том, как велики горы, или море, или степь, или небо, простая встреча с большим — или с народом, или с родом, предположим, — что-то делает с нами; мы начинаем, наше тело или при взгляде на небо вся земля, или корабль в океане, можете вспомнить любой случай встречи с большим, начинаем казаться, — но ведь и не только «казаться», — песчинкой, пылинкой. Дело не в нашем воображении: большое само как-то поверх, перехлестывая всякую нашу психологию, само себя заявляет. Как сказано у Седаковой, «большая вещь сама себе уют», она не будет дожидаться, пока *мы* ее вместим нашим сознанием, горы в которых мы затерялись под звездным небом...; если мы примем очень сильные анестетики, мы только отложим захваченность большим на когда уже поздно будет; пока мы ее санкционируем и вынесем суждение, «да это крупно», она давит или приводит в экстаз или сводит с ума *сама*, и отстояние возникает уже не окольное, между мной и большой вещью когда я как бы вне ее, а я в ней затерян, слился с ней и скорее всего безвольно растворяюсь, как всем известно затягивающее растворение в толпе, в народе, и рас-стояние тогда связано элементарно с необходимостью стояния, а то нас несет и сбивает с ног и уносит ветром. Отстояние: отстоять себя *надо*, я не знаю что мне велит не растворяться. Рас-стояние тогда нас задевает за живое, опять тело, шкуру, брюхо, прямо касается нас, а не нашей способности наблюдения или описания: *мы* в нашем существе одновременно теряемся и вот-вот потонем, стали песчинкой и каплей, и *мы* же сами от себя и против себя, уносимых ветром, как-то стоим, обнаруживая расстояние и свидетельствуя о нем. В историческом сдвиге, или если угодно можете себе представить геологический сдвиг и лавину в горах, сель, или снежную лавину, и мы в ней внутри, размер, размах, отстояние становятся нашим *опытом*, мы этим захвачены. Как Рильке захвачен при встрече с ангелом в «Дуинских элегиях», Jeder Engel ist schrecklich, *каждый ангел ужасен*, скажем ледяная пустыня это ужасный ангел, вестник Бога, не такого разумеется, которого кладут в карман. И не спрашивайте, почему кладут. При такой привязанности к анестетикам было бы странно, если бы Бога не сделали анестезирующим средством.

Это было упражнение на то, что слышно в слове *сдвиг*. *Прежде всего*, сначала мы предположим сами сдвинуты, пожалуйста и в смысле «в голове помутилось», сбиты с толку, раздавлены. И одновременно мы именно знаем, что этот первый шок от величины, μέγεθος, величия, силы

(от μέγας, большой, рослый, великий, важный, трудный). Большая вещь сама себе расстояние, и нам тоже, и с самого начала включает, предполагает, полагает перед нами или вернее в нас, разницу между первым шоком и тем, к чему же всё это сводится, что из этого будет, что всё это значит, как повернется. Потому что раз мы в *большом*, то мы и всегда внутри сдвига, — не обязательно констатировать движение внутри большого, раньше того и сразу сама встреча с ним это уже по крайней мере в *нашем* присутствии сдвиг. Великое само по себе событие, и после первой встречи открыть, что скажем это вот большое, небо, вселенная, в сдвиге, скажем в разлетании или еще в чем, потом будет установлено или нет, но в нас задевающим, — это установление после встречи с большим будет обязательно, мы взведены, заряжены величиной. — Или скажем что оледенение надвигается или наоборот отступает и сменится наступлением стихии океана на сушу, и опять можно спорить, и опять ясно, что большое захвачено захватывающим нас сдвигом. Еще раз: мы не знаем чем это кончится, но по мере нашей захваченности большим, скажем народом, во что мы втянуты, бессмысленно говорить о первой встрече и о том, во что это всё развернется: мы *сами* обеспечиваем необходимость таких речей тем, как сами независимо от нашей воли захвачены. Между «первым», первой встречей, πρότερον, и «тем, что станет, что останется», ὕστερον, что получится потом, — пространство, развернутое большим (великим). Когда мы всё это замечаем (хотя тогда опять будет поздно и не как мы хотели бы), если вообще заметим, αἴσθησιν λάβωμεν (219 а 25), «возьмем это в чувство», а могли бы и не заметить в анестезии, тогда мы начинаем говорить о времени, и не так, что сами вводим время для какого-то замера большого и сдвигов в нем, а говорим, что время *уже есть*, т.е. время оказывается в захватившем нас большом *уже так сказать внутри*, по способу априористического перфекта.

В том же смысле, в каком мы захвачены большим, наше время включено в время его сдвигов, мы не считаем свои семьдесят или сто лет отдельной хронологией скажем биологического роста, а теми же самыми годами, т.е. астрономическими величинами, которыми считаем сдвиги времен года, или сдвиги видимого неба, вхождение нашей «системы» под то или другое созвездие. Потому что с нашей включенностью в большое, великое, я сказал, дело обстоит просто и ясно, оно нас «элементарно» захватывает и уже всегда захватило, хотим мы этого или не хотим. «Большая вещь сама себе приют», в нашем разрешении существовать не нуждается. Целая культура запрещенных наркотиков и навязываемых законных анестетиков (например наука) только оттяжка.

Время разворачивается между «раньше» и «позже» внутри события встречи с большим, на перепаде если хотите «в глубину», куда мы во всяком большом проваливаемся, — она же и глубина нашего существа, которая при встрече с большим раскрывается, а так — нет, может быть даже и никогда; внутри анестезии или в Лете. В *этом* смысле время приоткрывается, или можете сказать словом рано недавно умершего Александра Викторовича Михайлова, он умер 18 сентября 1995, «разверзается», вместе с нашим временем и с нами самими.

«Большое видится на расстоянии», точнее оно разворачивает из себя

первую встречу и расстояние от нее до «последнего», до того что станет. Большое стало быть как раз никогда не видимо полностью. И одновременно ничто не видимо так сразу полностью (ничто так не убедительно в целом для нас, и в этом ряду самое большое мир), как большое, — и даже если мы ошиблись и за большое приняли малое, скажем например преступный мир, то в самом *месте* для большого мы не ошиблись; опознали его неверно, но в следующий раз не ошибемся. Мы не ошибаемся, что невидимое иначе как на расстоянии — и во времени — сразу всё целиком, создающее расстояние и время, большое именно поэтому тем же самым большим и остается. Поэтому раньше, при взгляде на время со стороны, одно «теперь», теперешнее, явно же виделось другим прошлому или будущему *теперь*; но если иметь в виду *одно и то же* величие, допустим мы не обнаруживаем, что то что нам казалось величием, оказалось малостью, мы не ошиблись, величием так и осталось, — то тогда *всё* протяжение этого величия, всё пространство сдвига им развертываемое, мы не дробим на разные «теперь», величие остается для нас, как оно остается и само по себе, одним и тем же: времени нет, *настоящее длится*, и в самом деле куда ему деваться если оно *настоящее* настоящее, — оно обеспечено величиной величия которая тоже никуда не девается. Его сдвиг ему принадлежит, сдвиг (в нас или вне нас, теперь это неважный вопрос) то же самое что величие, сдвиг предполагается величием, величие предполагается сдвигом.

Кто читал Аристотеля, попробуйте возразить, сказать что величие и сдвиг это *не* аристотелевские термины.

Среди полного «айстесиса», без всякой анестезии, мы *снова* не увидим времени, оно полностью всё уйдет в событие величия. Πρότερον и ὕστερον, первая захваченность встречи с величием и то, что этим обещано и что будет открыто потом, могут быть увидены в одном, ὡς τὸ αὐτό, как то самое или как то же самое, сразу, ἄμα (когда время втянуто в событие, поглощено им, а событие охвачено — или нас охватило — ἄμα), и *в этом аспекте*, для этих глаз *времени по праву опять не будет*, но уже не от безразличия и опущенности, а наоборот, от полноты встречи с величием. Когда говорят «счастливые часов не наблюдают» — это исчезание времени от остроты видения, что то, что теперь происходит, при первой встрече, открытие рода, это то самое, что растянуто по всему неизмеримому величию рода — только кажется, что встречаешься с другим человеком, почти таким же как ты, на самом деле втянут в эту немислимую величину, *род*, который *один и тот же* вне времени на всём протяжении своих сдвигов, о которых мы не знаем, и всего того что он сдвинет, о чем мы тоже не знаем.

Но совсем рядом с этим — готовые другие глаза, и *тот же род*, который вот только что задел нас как целое, развертывается как цепь поколений, их явное развертывание от «первых», ближайших, к тем, которые «в остатке» — можно думать об «остатке Израилевом», — «на потом», и без ничего, без всякого изменения в «предмете», просто сменив глаза, мы *снова* видим время. «Когда мы чутки (ἀισθανῶμεθα, не погружаемся в анестезию) к теперь как единому, а не как к первому и последнему или как к тому же самому чего-то первого и последнего, то

нам не пред-ставляется бывшим никакого времени, потому что нет и никакого сдвига [сдвиг никуда не девается, но не уходит во время, а схвачен вместе — схватил нас вместе — с величиим *весь*]; когда же предыдущее и последующее, тогда мы говорим “время”; потому что время есть вот это, счет сдвига по первому и последнему».

Время ἀριθμὸς κινήσεως, число движения, числовая мера или счет великого, в том смысле, что оно, открывшись конечно всё сразу, кроме того разворачивается между своей близостью и далью, своей близостью, которая далека, и своей далью, далекостью, которая так близка, что задевает нас именно как даль. Буквально дышать не дает. И чем больше, тем ближе: мир ближе всего.

Сдвиг имеет свой ритм. Например движение неба охватить трудно, но оно повернуто к нам отчетливыми поворотами светил. Не обязательно небо: всякое величие будет иметь ритм. Философия Аристотеля кажется привязанной к видимому небу, но она не расходится и с современной квантовой механикой тоже: и здесь время будет соотносено с ритмом сдвига, величины как силы и сдвига. Только современная наука не ставит вопрос о происхождении времени и пользуется временем, которое производно от того, что для нее уже не определяющее, от астро-номии, звездного закона или звездной судьбы. Определяющее для квантовой механики уже не вращение вокруг солнца, а мировые константы. Поэтому аристотелевское определение времени более совершенно (в том смысле что *дает* определение времени, по крайней мере подступ к нему), чем в квантовой механике, где такого определения можно считать что просто и нет. Ведь стрелочку от πρότερον к ὕστερον, которую я нарисовал на доске, у Аристотеля надо понимать не так, что якобы постулируется необратимое течение времени: какое время, времени пока нет, мы выясняем его основание, и первое-последнее они первое-последнее *еще до времени!* Вот такое дело. Это первое последнее, основание времени, проще чем время: это вообще просто направленность, в том смысле, что мы неспособны не иметь в виду какой-то направленности, или еще проще: сам же сдвиг в его *откуда* и *куда*.